

Приложение 2

Попытка Илариона прославить Владимира святым

Почин князя Владимира, «взорвавшего крещением всю землю русьскую», определял духовную жизнь восточнославянских народов на протяжении истекшего тысячелетия. В результате нараставшего с незапамятных времён почитания к исходу XIII в. креститель Руси стал церковно-признанным святым¹.

В настоящей статье рассматривается попытка причисления Владимира к лику святых, предпринятая уже в середине XI в.² Вследствие отказа константинопольского патриарха утвердить Илариона в сане митрополита киевского архиепископские деяния последнего признаны не были, и, более того, преданы забвению³. Однако незапамятный культ государя, «створшаго дело равно апостолам», теплился, а в условиях монгольского засилья ожил и был воцерковлен.

Два веских по значению факта: новгородская запись о первом посвящённом святому Владимиру храме (1311 г.) и появление в XIV столетии крёстного имени Владимир в княжеской среде, а затем и вне династии⁴ — определяют ту чёткую грань, ранее которой остаётся немало открытых вопросов. Ответы историков, не всегда источниковедчески удовлетворительные, осложняют дальнейшие разыскания. Выходу исследований на прямую мешает также отсутствие на протяжении

1 А. Поппэ, *Владимир Святой. У истоков церковного прославления* // Факты и знаки. Исследования по семиотике истории, вып. 1. М. 2008: 40–107. Более раннюю редакцию, без публикуемого тут текста, см.: А. Poppe, *The Sainthood of Vladimir the Great: Veneration in-the-Making* // Idem, *Christian Russia in the Making*. Aldershot 2007; ch. VIII: 1–52. В историографии XX в., избегая эпитета «Великий», с некой долей фамильярности называли князя Владимира по отчеству, а затем «преизлиха» неуместно *святым*. Исследователь, имея в виду земные деяния Владимира, воздаёт должное его величию, посмертное же присутствие князя в событиях, с учётом контекста, отметит, называя его *святым*.

2 Этому вопросу и была посвящена добавочная, четвёртая, глава («Вместо заключения») в указанном выше исследовании. См.: А. Поппэ, *Владимир Святой. У истоков*: 91–107, текст перепечатан с небольшими правками. О судьбах общеславянского имени Владимир с IX по XX вв. см.: А. Поппэ, *К истории имени Владимир. Опыт необычного исследования* // Труды ОДРЛ т. 61, 2010: 278–295.

3 См. публикуемое тут Приложение 1.

4 На Руси обычно построение каменной церкви предвлялось деревянной. В Западной Европе в раннее средневековье не было в обыкновении давать в качестве крестильного имя святого. Это не парадокс, а простой обычай. Называть эти закреплённые за Рюриковичами имена языческими трудно. Это имена мирские, родовые или династические, на Руси — княжеские.

XIV и XV вв., а, вероятно, также и XVI столетия следов почитания Владимира святым на землях Юго-Западной Руси: ни одной церкви во имя Святого, и, пожалуй, отсутствие следов крестильного имени Владимир среди разных слоёв населения, за исключением Рюриковичей, а также Гедиминовичей. Это звучит парадоксально, но получается, что почитание Владимира Великого святым в указанные столетия захватило не все русские земли, ограничиваясь северо-западными и северо-восточными пределами⁵. Очевидно, сказались последствия монгольского нашествия, но это предположение требует весьма тщательных разысканий.

Предложенный мною выход из «подвижного тупика» ещё не был напечатан, когда появилась новая исследовательская попытка, вес которой – в уверенном отношении канонизации князя Владимира к XI в. и рассмотрении накопленных прямых и косвенных показаний XI–XIII вв. как доказательств уже церковного почитания крестителя Руси⁶. Это и стало той творческой платформой, которая позволила, опаривая отдельные её положения или соглашаясь с ними, расширить наши знания о культуре Владимира Великого. Собранные данные дополняли друг друга, но вместе с тем проявилась необходимость в их источниковедческой обработке.

Показательный тому пример — курский фрагмент месяцеслова, где под 24 июля (л. 4, л. 4 об.) читается между прочим: *В 24 святых мученица Христыны, в тѣжь днь святою страсотърпцю Бориса и Глеба... и поють стихири... и святыма глас 2 под кыми похвалными и чтется житие князя Володимира, в том есть и мучение святою Бориса и Глеба*⁷. Упомянутое здесь *житие князя Володимира* воспринимается обычно как свидетельство существования к исходу XII в. особого текста, связанного с церковным почитанием Владимира⁸. Однако следует учесть и возможность иного толкования.

5 Данными, позволившими сделать эти предварительные выводы, я целиком обязан проф. Анджео Янечку, который был любезен просмотреть доступные материалы, подчеркнув, что для полной уверенности необходимы детальные разыскания. Д-р Янечек обратил также моё внимание на присутствие имени Владимир среди венгерской (XIII в.) и молдавской знати в XV–XVI вв. (см. ниже прим. 19). Отсутствие церквей, посвящённых св. Владимиру, следует из пособий: I. Крип'якевич, *Спис галицьких парохій XII–XVI ст.*, Львів 1939; W. Kołbuk, *Kościół wschodnie w Rzeczypospolitej około 1772 roku*, Lublin 1998.

6 См.: Б.А. Успенский, *Когда был канонизирован князь Владимир Святославич? // Его же, Историко-филологические очерки*, М. 2004: 69–121; это значительно расширенная версия одноимённой статьи того же автора: *Palaeoslavica* 10/2, Cambridge, Mass. 2002: 271–281. Поводом для нас обоих оказалась статья Владимира Водова, изданная в 1988 г.: *Pourquoi le prince Volodimer Svjatoslavič n'a-t-il pas été canonisé?*, перепечатанная в: V. Vodoff, *Christianisme, pouvoir et société chez les slaves orientaux*, Paris 2003: 119–133.

7 О.А. Князевская, *Отрывок древнерусской рукописи конца XII — начала XIII вв. // Litterae slavicae mediaevae*, Francisco Venceslao Mareš Sexagenario Oblatae, ed. J. Reinhart, München 1985: 157–170 с фотокопией л. 4 и 4 об. Анализ палеографии и орфографии текста компетентной исследовательницы подтверждает датировку. Запись памяти свв. Борису и Глебу напечатал А.М. Пентковский, *Титикон патриарха Алексея Студита в Византии и на Руси*, М. 2001: 203–204.

8 См.: А. Турилов, *Две забытые даты болгарской церковно-политической истории IX в. // Paleobulgarica* 23, 1999, 1: 23, прим. 17; Б. Успенский, *Когда: 70–71*; это никак не могла быть *Память и похвала* князю Владимиру, в сохранившемся виде составленная в начале XIV в., но сохранившая следы текста, восходящего к XI в., Сл. Книжников, ч. 1 (1987): 288–290; *Słownik starożytności słowiańskich*, t. 4, Wrocław 1970: 16–18. Г. Подскальски, *Христианство и богословская литература в Киевской Руси*. СПб. 1998: 198–212, 535.

Не столь важно то, что Владимир не назван тут святым, сколько то, что в этом же проложном отрывке сохранилась запись под 15 июля (л. 3, л. 3 об.), где память Владимира вовсе не упомянута. Следовательно, для составителя этого монастырского синаксаря Владимир во святых всё ещё не числился.

Следует также согласиться с мнением, что такое *Житие* либо его следы неизвестны⁹. Не проще ли принять, что автор синаксарной записи под *житием* имел в виду данные о жизни князя Владимира? Именно такие описания предвзвывают анонимное *Сказание* о святых сыновьях крестителя Руси и Несторова *Чтение*. Учитывая, что больше данных из жизни князя Владимира привёл Нестор, можно предположить с достаточной степенью вероятности, что автор пролога располагал «усечённым» текстом *Чтения* и под *житием князя Володимира* подразумевал именно этот фрагмент¹⁰. Такой оригинальный подбор для праздничной литургии на память свв. страстотерпцев подтверждается также сопоставлением курского отрывка (6 листов) с Типографской минеей XII в. (122), содержащей иной подбор стихир. Следовательно, гимнографические тексты о свв. Борисе и Глебе слагались в различных церковных скрипториях¹¹. Таким образом, заимствование текста об их мученической кончине из Несторова *Чтения* не представляет ничего странного и не является неприемлемым.

С другой стороны, если всё же допустить существование уже в XII в. отдельного *Жития* Владимира, то это само по себе не доказательство канонизации князя, ибо составляемые агиографом *жития* часто предшествовали причтению к лику святых. Несомненно, такое *житие* — это след почитания и стремления ввести крестителя Руси в сонм русских святых.

Не проясняет вопрос и проложное *Житие* Владимира в рукописи XIII в. (ГИМ, Щук. 97), относительно которой отмечалась её близость с почерками ростовского владычного скриптория, в частности с почерками Апостола 1220 г.¹² Ведь не говоря о том, что это одиночный плохо читаемый лист, следует учесть, что имя святого Владимира появляется в месяцесловах на рубеже XIII–XIV вв. и распространяется в синаксарных записях, к тому же не во всех, лишь в XIV и XV вв.¹³ Включаясь в домысел, что ростовский владыка решил «сделать» князя Владимира святым, не следует забывать, что в те же 1220-е годы соседний владими́ро-суздальский епископ Симон принимал участие в составлении Киево-Печерского патерика. В *Слове 7* записана легенда, отодвигавшая начало

9 Князевская, *Отрывок*: 159 — «ни в одном из них [житий Владимира в списках XIV–XVI вв.] нет мучений Бориса и Глеба».

10 В издании Д. Абрамовича (*Жития Бориса и Глеба и службы им*, Пг. 1916) Чтение занимает 26 страниц, из которых четыре в начале (с. 4–7) касаются главным образом Владимира, дальнейшие шесть (с. 8–13) — гибели обоих страстотерпцев. В Сильвестровском сборнике (факсимильное воспроизведение, М. 1985) соответственно лл. 91 г — 93 в и 94 а — 101 г.

11 Пентковский, *Типикон*: 204, ср. также текст Тип. 122 (ЦГАДА Ф.381); у Абрамовича, *Жития*: 136–143; *Сводный каталог славяно-русских рукописных книг XI–XIII вв.*, М. 1984: 127–128 (№ 93).

12 Турилов, *Две забытые даты*, прим. 17, Б. Успенский, *Когда*: 71. А. Турилов, *Сводный каталог славяно-русских рукописных книг XIV в.*, вып. 1, М. 2002: 653 (№ д 60), сохранился один лист, ранее был датирован XIV в.

13 См.: О.В. Лосева, *Русские месяцесловы X–XIV вв.*, М. 2001: 91, 117, 383–384.

деятельности основателя монастыря Антония к последним годам жизни Владимира Великого. Составители этого *Слова* величают Владимира *самодръжьем Рускыя земля*, князем *великим* и *благочестивым*, но эпитета *Святой* к его имени не прилагают¹⁴.

Тем временем Новгородская харатейная летопись в списке конца XIII в. и первой половины XIV в. сохраняет в дате битвы со шведами на Неве — 15 июля 1240 г., в день воскресный — указание своего протографа: *на память святого Кирика и Улиты, в неделю на Сбор святых отець 630 иже в Халкидоне*¹⁵. Тут сказала рука рядового писца. Он скопировал переписываемый им текст без изменений, и благодаря этому мы располагаем достоверным свидетельством, что в ближайшее к 1240 г. время памяти в годовщину кончины князя Владимира в Новгороде не праздновали. Это упущение было замечено, вероятно, позднее, ещё при жизни Александра Невского (†1263), а поддержка митрополита Кирилла могла способствовать оцерковлению культа «во владыках апостола». Тут, впрочем, не столько дата неевского сражения, сколько угроза уничтожения государства и христианства на Руси вызвала осмысление исторического значения деяний Владимира Великого как духовной и государственной скрепы, сплачивающей христианскую Русь в противодействии монгольскому засилью. Соотнесение дня сражения на Неве с годовщиной успения святого Владимира, произведённое при редактировании *Жития* Александра Невского в 1270–1280-е гг., в этом плане лишь подтверждает появление князя Владимира в сонме признанных церковью русских святых. Для наших наблюдений значимым следует признать тот факт, что ктиторм надвратной каменной церкви на неревских воротах был новгородский архиепископ Давид, рукоположенный митрополитом Петром в июне 1309 г. во Владимире-Суздальском. Следовательно, святость Владимира была вне церковного сомнения и, вероятнее всего, предполагала почитание Владимира святым с незапамятных времён¹⁶. Подтверждением тому могло служить Иларионово *Слово*.

14 *Патерик Киево-Печерского монастыря*, Киев 1930: 16. Этого эпитета нет даже в составленной в Твери Арсеньевской редакции 1406 г.

15 Новгородская харатейная летопись, изд. М.Н. Тихомиров, М. 1964: 250 (л. 126 об., начиная с л. 119 почерк ближе второй четверти XIV в.). В Комиссионном списке середины XV в. тот же текст читается уже с дополнениями и вставкой после имени Улиты: *и святого князя Владимира* (НПЛ: 292). *Сводный каталог* (1984): 261 (№ 270).

16 Нет данных, позволяющих предполагать, что во второй половине XIII в. митрополит предписывал вписать в синодики и праздновать память св. Владимира. В западные епархии такая рекомендация не поступила, раз Владимир, сын кн. Василька Романовича, рожд. 1248/1249 гг. был крещён во имя св. Иоанна Предтечи.

Владимира Великого уже при жизни прочил в святые сам Бруно Кверфуртский. После посещения Киева и миссии у печенегов в письме своему государю Генриху II на исходе 1008 г. Бруно ставит ему в пример следующих «святому императору великому Константину и образцу религиозного благочестия преславному Карлу» ревностных поборников христианской вселенной, государей Руси и Польши¹⁷. Личное знакомство епископа Бруно с князем Владимиром облегчает сопоставление посмертных судеб Карла и Владимира.

Карл Великий, умерший в 814 г., был канонизирован три с половиной столетия спустя, в 1165 г., по почину императора Фридриха Барбароссы, не без оппозиции и уклончивости немалой части церковной иерархии и светской знати. Политический характер канонизации выражен в императорской грамоте от 8 января 1166 г.: «Карл был неустрашимым подвижником и истинным апостолом в обращении на веру Христову варварских народов... словом и мечом»¹⁸. Уже в IX столетии Карла называли апостолом Саксонии, при этом саксы, однако, и в одиннадцатом не забывали устроенных королём франков кровавых побоищ.

Возрождая Римскую империю в христианском духе, Оттон III и его ближайшие сотрудники обращались также к каролингской традиции. Совершив паломничество в Гнезно, к гробу св. Войцеха-Адальберта, первого патрона грезящейся Оттону вселенской империи христианства, в марте 1000 г., укрепив основы славянского в ней участия (учреждение Гнезненской митрополии и возведение Болеслава Храброго в сан ближайшего сотрудника и соправителя), в мае император прибыл в свою, основанную Карлом Великим, северную столицу Аквизгран (Ахен) и решил дать Империи второго святого патрона. Он открыл гроб Карла Великого, находившийся под спудом церковного пола дворцового храма Пресвятой Девы Марии. По замыслу Оттона, распростёртого в проскинезе перед похороненным на троне Карлом, это было началом процесса канонизации. Однако римские неудачи Оттона в 1001 г. и быстрая смерть на 22-м году жизни пресекли его планы. Последние не находили поддержки среди церковных и светских сановников и вызвали сопротивление. Даже акт открытия гроба Карла Великого не одобрялся как нарушение его покоя и причислялся к странностям юного императора.

Культ Карла Великого, воздающий признание его государственной деятельности, победам над аvaraми и маврами, просвещению словом и мечом язычни-

17 Epistola Brunonis // Monumenta Poloniae Historicae. n. IV/3 ed. J. Karwasińska, W-wa 1973: 104. Хотя в других своих сочинениях Бруно называет Карла Великим (*Magnus*), тут он использует эпитет *Optimus*, который можно, согласно придаваемому им смыслу, переводить как «совершенный» либо «преславный».

18 См.: J. Petersohn, *Kaisertum und Kultakt in der Stauferzeit // Politik und Heiligenverehrung im Hochmittelalter*, Sigmaringen 1994: 101–149; K. Görich, *Otto III öffnet das Karlsgrab in Aachen // Herrschaftsrepräsentation im ottonischen Sachsen*, ed. G. Althoff und E. Schubert, Sigmaringen 1998: 381–430. В аквизгранском дворцовом храме был похоронен Оттон III. На протяжении всего средневековья тут короновались немецкие государи. Инициатор канонизации Карла Великого Фридрих Барбаросса во имя св. Карла не поставил ни одного храма, не был ктитором ни одного посвящённого ему придела.

ков, выходил за пределы империи. У славян имя Карла стало нарицательным титулом правителя: *краль, король, król*. Болеслав Храбрый, побывавший в Аквизгроне при открытии гроба Карла Великого, решил имитировать имперскую столицу, придавая застройке Кракова характер её реплики, даже в названии церквей и их размещении, с каролингским храмом Пресвятой Девы Марии в центре. Годы спустя внук Болеслава Казимир получил второе имя Карла. Столетие спустя хронист Галл Аноним в зарисовке портрета Болеслава уподоблял его Карлу Великому. Венгерский король Стефан (†1038, святой 1083) желал уподобить Аквизграну свою столицу (Alba regia) с репликой дворцового храма Пресвятой Девы Марии. И в Западной Европе известны случаи имитирования Аквизгрона и его храмов¹⁹.

Хотя культ Карла Великого чётко присутствует в истории раннесредневековой Европы, нет оснований говорить, что это было почитание святого. У Карла Великого было предостаточно подвигов в служении торжеству христианства, но он воспринимался не столько как поборник Христа, а более как *athleta patriae*, победоносный полководец, законодатель, образец христианского правителя.

В Киеве попытка Оттона III прославить Карла Великого как святого и её неудача были в какой-то мере известны, пребывание же Бруно не менее двух месяцев при дворе киевского князя обогатило эти сведения подробностями и точными данными. Бруно был одним из ближайших Оттону III и Генриху II лиц и не стеснялся осуждать в лицо поступки последнего. И если Бруно в глаза и за глаза воздавал хвалу князю Владимиру, это была не лестная угодливость властелину, а глубокая признательность за введение Руси в создаваемую христианскую вселенную. Как и проповедовавший пруссам слово Божье Войцех-Адальберт,

19 См.: R. Michałowski, *Aix-la-Chapelle et Cracovie au XIe siècle* // *Bullettino dell' Istituto Storico Italiano per il Medio Evo e Archivio Muratoriano* No. 95, Roma 1989: 45–69. О присутствии Карла Великого в истории после его кончины см. сборник трудов *Karl der Große*, Bd. 4, *Das Nachleben*, Düsseldorf 1967. Ср. также: J. Strzelczyk, *Boleslaw Chrobry*. Poznań 1999: 85–88, 240–244.

Д-р Анджей Янечек был также любезен (см. выше прим. 5) обратить моё внимание на присутствие имени Владимир (Lodomer, Lodomerius) в Восточной Венгрии среди знати, дворянства, по-видимому, тюркского (печенеги, половцы, огузы) и славянского происхождения, а также духовенства. В просмотренных им нескольких латиноязычных сборниках актовых источников (*Codices Diplomatici* в изданиях XIX в.), в грамотах главным образом XIII в. встречается ок. 40 Владимиров, упоминаемых иногда многократно. Среди них князь половецкий (Lodomerius, rex Sumaniae...) упоминается 40 раз, трое архиереев (Lodomerius, archiepiscopus Strigonensis (Эстергом) упоминается 15 раз в грамотах 1180-х гг., Lodomerius archiepiscopus Strigonensis в грамотах 1280–1290-х гг. упомянут 557 раз, Lodomerius episcopus Waradiensis — 266 раз) и пять священников упоминаются по несколько раз. Запись о Владимире, назвавшем сына Ярославом (Lodomeri filius: Jaroslaus), указывает на русские связи.

Возможность южнославянского влияния требует проверки: дуклянский князь Владимир, в крещении Иоанн, замученный в 1016 г., был на протяжении столетий почитаем как святой, хотя формально канонизирован не был. О смысле имени Владимир см.: С.Я. Сендерович, К истории восточнославянского имени Владимир // *Славяноведение* 2007, №2: 9–16. В тюркской эпической традиции имя Владимира Великого осмыслялось как имя могучего владыки, см.: K.H. Menges, *Uladimir-Vladimir* // *Journal of Slavic Linguistics and Poetics* 20, 1975: 7–12. И выше прим. 2.

Бруно отправился к печенегам, готовый пострадать вслед Христу и корифею апостолов Петру. Этим жертвенным порывом был охвачен и сам Оттон III, мечтавший об отшельничестве и миссии у язычников. Выступал тот душевный подъём и убеждённость зодчих этой вселенной, что её основание должно быть освящено кровью мучеников, и ради своих идеалов они были готовы на верную смерть. Миллениальные настроения того времени, стихийно преисполненные верою в возможность созидания Царства Христова на земле, создавали ту исключительную душеспасительную атмосферу, настроение умов. Несбыточные грёзы, неосуществимые мечты были присущи молодому христианству. И на Руси не было иначе. Нам почти ничего не известно о причине земной гибели Бориса и Глеба, но благодаря их житиям мы знаем, что их смерть была осмыслена как кровная жертва во имя торжества христианства в земле Русьской.

Сложилось нерушимое мнение, что князь Владимир искони признавался крестителем Руси, заслужившим должные подвижнику почести. Но было ли такое мнение господствующим изначально?

Бруно Кверфуртский и Иларион Киевский были незаурядными интеллектуалами, забегавшими мыслью далеко вперёд. Бытуют подозрения, что греки, т. е. византийская церковная иерархия и влиятельные круги империи, препятствовали прославлению «варвара». Но при этом забывается, что чин причисления к лику святых был в Византии, сохранившей древний обычай самостоятельного решения местного архиерея, проще, нежели процедура канонизации в римско-католической церкви. Консультирование с Константинополем не исключалось, но не было обязательным. А в самой Византии уже в X в. обнаруживается укрепившаяся в XI в. сдержанность в прославлении святыми патриархов и царственных лиц²⁰. Эти веяния не могли остаться неизвестными на Руси благодаря прибывающим из Константинополя архиереям. Они сказались, по-видимому, позже, когда с 1011 г. саркофаг Анны, а с 1015 г. рядом с ним саркофаг Владимира были поставлены на виду, в средокрестии Десятинной, в ожидании молебной литургии, оповещающей о признании им венцов неувядаемой славы. Этого не случилось, а после 1018 г., но ранее 1049 г., рака с останками багрянородной Анны бесследно исчезла. Этот факт следует из полного умолчания Илариона о цесарице, которое никак не могло быть случайным.

Причиной могли быть события, которые сопутствовали последним годам жизни царственной четы и грозно сказались после кончины Владимира Великого. Убеждённый Анной, государь круто изменил принципы наследования, ограничивая верховную власть двумя законнорождёнными сыновьями, Борисом и Глебом. Династия, т. е. все остальные сыновья Владимира, лишались прав наследования и становились, по сути, князьями-изгоями. Результат не замед-

20 Это отмечал уже Е.Е. Голубинский, *Канонизация святых в русской церкви*, М. 1903²: 12–20, 373–381.

лил сказать во вспыхнувшей после 15 июля 1015 г. междоусобице²¹. Могли ли сыновья Владимира и поддерживавшие их знать и дружина быть за прославление отца? И лишь Ярослав на склоне лет, некогда строптивый сын, став властителем всея Руси, за исключением Полоцка, для закрепления наследственных прав своего потомства обращается ко временам Игоря и Ольги, Святослава и его сыновей. Не случайно в 1040-е годы в княжий собор, где были захоронены на виду Ольга и Владимир, были перенесены останки Олега и Ярополка, а в княжьем Вышгороде обрели покой останки Бориса и Глеба. А к середине XI в. начал прославляться во всеуслышание сам Владимир. Вину в нестроениях возложили на василиссу Анну, а раку с её останками, вероятно, опустили под церковный пол Десятинной²².

Сдержанность в прославлении открывшего Русь христианству государя заметна во второй половине XI и всё ещё сквозит в XII столетиях. Возникает вопрос, каково было отношение клира к зарождавшемуся культу равноапостольного князя? В произведениях XI в., за исключением Иларионова *Слова*, чувствуется некая сдержанность в затрагивании тем, связанных с Владимиром. Большинство летописных статей, касающихся его правления, явно составлялось во времена, близкие первой редакции *Повести временных лет*.

Для греческих церковнослужителей всех санов, присланных из Константинополя и приведённых из покорённого Херсона, для болгарского клира, прибывавшего, а вернее, доставляемого из завоёвываемой Болгарии, и, наконец, для местного духовенства, которое в XI в. начало преобладать, крещение Руси представлялось задачей только начатой и предстоящей. В крупных и средних городах, где лес венчаных крестами верхов демонстрировал крепость христианства в большей степени, нежели их жители (в 1070-е годы в Новгороде и Ростове отмечены выступления язычников, а вернее, вероотступников), на широких восточнославянских просторах в быту всё ещё преобладали нехристи, а духовенство, попавшее на Русь случайно, и местное чувствовало себя действительно истинными просветителями. Убедить их, да этого, пожалуй, никто и не пытался, в том, что всё уже устроили и обо всём распорядились киевские государи, и что благодаря государству, князю и его дружине можно безопасно гласить слово Божье, а им остаётся лишь жатва, было бы трудно. Им не был известен досадный опыт саксонских миссионеров: прибыв в Киев в 961 г. проповедовать, но не получив должной охраны, они скоро вернулись восвояси, обвиняя неповинную Ольгу в том, что, приглашая, она ввела их в заблуждение²³.

21 О причинах усобицы 1015–1026 гг. см.: А.В. Поппэ, *Земная гибель и небесное торжество Бориса и Глеба* // ТОДРЛ 54, 2003: 304–336.

22 М.К. Каргер, *К вопросу о саркофагах кн. Владимира и Анны* // Краткие сообщения Института истории материальной культуры 7, 1940: 76–80.

23 О сношениях Ольги с Оттоном I см.: А. Poppe, *Christian Russia in the Making*, Aldershot 2007, ch. II: 271–279 а.

Новая внутренняя ситуация на Руси, благодаря сотрудничеству Ярослава Мудрого с Иларионом, к исходу 1040-х гг. ознаменовалась проповедью кандидата в митрополиты в Десятинной у гроба Владимира Великого, в годовщину его успения 15 июля 1049 или 1050 гг.²⁴ Иларион обосновал право Владимира, совершившего апостольский подвиг приобщения Руси к христианству, на святость. В изложении этой основной мысли *Слово* остаётся памятником непревзойдённым. Согласно требованиям, достаточно было установить ежегодное празднование памяти крестителя Руси и вписать это решение в синодик для уведомления архиереев местной церкви, т. е. Киевской митрополии, в пределах которой Владимир объявлялся святым. Дабы избежать недоразумений, следует отметить, что вопреки распространённому суждению церковь не выдвигает, не возводит в святость, а лишь подтверждает, регистрирует путём проводимой процедуры (которую часто условно называют канонизацией) присутствие новоявленного святого в сонме святых. Стихийное почитание часто на годы (иногда на десятилетия и столетия) предваряет церковный акт признания святости.

Итак, замыслом Иларионовой *похвалы* Владимиру было обоснование и установление ежегодного празднования памяти равноапостольного князя и связанной с ним молебной службы с чтением *похвалы* святому Владимиру, впервые изложенной Иларионом. Отмечалось, что называя Владимира крестильным именем Василия, под этим именем Иларион замыслил ввести его в сонм святых. Такую возможность исключать не следует, учитывая, что в *Сказании чудес* Бориса и Глеба и в древнейшей службе братьям (1070–1080-е гг.) предпринимались попытки ввести сыновей Владимира в святость под их крёстными именами Романа и Давида, но удачными не были. Иларион трижды называет Владимира его княжым именем, когда говорит о нём как о государе, и трижды, когда в *Похвале* превозносит его христианнейшие поступки, указывает его молитвенное имя. В «книгах животных», т. е. в списке всех его земных деяний, Владимир выступает Василием²⁵.

Употребление повседневных и молебных имён на Руси прекрасно объяснил игумен Даниил. В списке помянутых им в молитвах и при поставлении лампад у гроба Господня Даниил отмечает князей двумя именами: сначала молитвенным, а затем княжым, чтобы читатель знал, за кого он молился. Отсюда тут назван,

24 Эта датировка Иларионова *Слова* исходит из принятой даты завершения постройки и росписи Софии Киевской в 1046 г. Интересны соображения, дополняющие наблюдения Н.Н. Розова, предложенные А.Н. Ужанковым (*Где и когда было прочитано Иларионом Слово о Законе и Благодати* // Герменевтика древнерусской литературы, сб. 7, М. 1994: 75–106), но выдвинутая им дата проповеди Илариона на Благовещение 1038 г. (у Розова на Благовещение 1049 г.) неприемлема, учитывая, что строительство Софии началось только после 1036 г. Летописная статья 1037 г., составленная не менее полувека спустя, подводит итоги всей строительной деятельности Ярослава.

25 *Слово о Законе и Благодати Илариона*, изд. А.М. Молдован, Киев 1984: 78, 91, 92, 93, 94, 96. Французский инженер Г. Боплан (*Опис України*, Київ 1990: 77–78), побывавший в 1640-х гг. на развалинах Десятинной, отметил, что церковь была во имя св. Василия. Вероятно, что в Десятинной был придел св. Василия, и память об этом была сохранена в Киеве сквозь века.

например, Михаил-Олег; но при описании посещения острова Родос Даниил отмечает лишь, что «Олег, князь русьский» провёл тут почти два года²⁶.

Право Владимира-Василия на святость чётко выступает в одной из заключительных фраз *Похвалы: Радуися*, — обращается Иларион к Владимиру, — *въ владыках апостоле; не мертвые телесы въскрешав, но душею ны мертвы, умерьшаа недугомь идолослужения воскресив тобою бо обожихом и живота Христа познахом. Съкорчени бехом от бесовьскыа лести и тобою прострохомся и на путь животный наступихом*²⁷. В одном предложении Иларион сумел выразить суть подвига *славного въ земельных* апостола. Но ещё более решительно Иларион определил место Владимира, уже занимаемое им в сонме предстоящих Всевышнему, в похвале, посвящённой сыну Владимира Ярославу, которого называет только Георгием. Так как эта похвала касается сына Владимира, ей не было уделено должное внимание и поэтому осталось незамеченным важнейшее указание на то, что Иларион признавал за Владимиром уже достижение святости. Он обращается к нему: *Паче же помолися о сыне твоёмь... благовернемь кагане нашемь Георгии. Въ мире и въ съдравии пучину жития преплуту и в пристанищи небеснааго заветриа пристати... стати с тобою непостыдно пред престолом Вседръжителя Бога и за труд паствы людий его, приати от Него венець славы нетленныа со всеми праведными трудившимися Его ради*²⁸.

Здесь предельно ясно сказано о том, что то, что только предстоит заслужить сыну Георгию, выполнив названные условия, уже стало полным уделом Владимира. Он уже стоит и молится перед престолом Всемогущего, и уже принял от Бога венец неувядаемой славы, славы бессмертной, т. е. вечного прославления, как принимали и принимают все праведники, потрудившиеся Христа ради.

Иными словами, принятая доселе точка зрения, что Иларион обосновывает и взывает к канонизации Владимира, должна быть скорректирована. Иларион воспринимает Владимира как причисленного к лику святых. И оповещает об этом в своем *Слове*, произнесённом им у гроба Владимира в годовщину успения 15 июля, вероятнее всего в 1050 г., учитывая участие Илариона в свадебном посольстве (1049 г.), сопровождавшем Анну Ярославну во Францию²⁹.

Вероятно, после кончины Феопемпта иеромонах Иларион, избранный местным собором епископов и имея инвеституру киевского государя, стал местоблюстителем митрополичьей кафедры, не будучи ещё рукоположенным и наставленным в киевской Софии. Саркофаг с останками Владимира с момента похорон в июле 1015 г. стоял посреди княжьей Десятинной. *Перенесение* было лишним, а *обретение* мощей констатировалось снятием крышки саркофага. Признание святости равноапостольного князя могло быть утверждено синодом епископов, со-

26 *Житие и хождение Даниила русьскыа земли игумена 1106–1108*, изд. М.Л. Веневитинов, СПб. 1883–1885: 8–9, 140 (репринт К.Д. Seemann, 1970).

27 *Слово о Законе*: 98–99; правописание упрощено во избежание лишних опечаток.

28 *Слово о Законе*: 99–100.

29 Л. Мюллер, *Западная литургическая формула в «Похвале» Илариона Владимиру Святому // Его же, Понять Россию: историко-культурные исследования*, М. 2000: 134–140.

званных в 1051 г. в Киев для хиротонисания и настолования Илариона, и заинтересованных в насаждении почитания святого князя в своих епархиях.

В историографии возможность поставления Илариона в Киеве, а не в Константинополе, и канонизации им Владимира вызывала сомнения и возражения. Киевских неофитов трудно было заподозрить в настолько изощрённом знании истории соборных канонов при поиске основания для нарушения действующих церковных предписаний. Предполагалась непонятность либо сообразительность книжников — редакторов поздних списков. Но сегодня, когда известно, что все церковные процедуры проходили под опытным наблюдением требовательных студитов, нет разумных оснований для оспаривания достоверности данных источников. Тем более, что и Феодор Студит предлагал свести роль патриарха в поставлении митрополитов до их утверждения, т. е. проверки ненарушения процедуры при поставлении кандидата в архиереи местным синодом.

Так или иначе, след акта канонизации простыл. Но не пропал след события, которое позволяет понять, в чём было дело. Ведь вскоре после своего поставления, не позднее 1054 г., исчез сам Иларион. Два бесспорных в своей достоверности факта. Из ряда вон выходящим вмешательством в установленную процедуру (в первую очередь нарушение 28-го правила Халкидонского собора 451 г.) было назначение князем Ярославом Илариона митрополитом³⁰. Этим правом, нарушенным на протяжении почти полутысячи лет трижды, располагал константинопольский патриарх, выбиравший одного из выдвинутых постоянным синодом трёх кандидатов. Бывало, что слабовольный патриарх принимал решение, «подсказанное» заинтересованными лицами, в первую очередь волевым императором. Со временем всё более учитывалось мнение киевского государя, тем более, что настолование избранного и рукоположенного в митрополиты в Константинополе происходило, согласно канону, в киевской Софии. Ярослав узурпировал право назначения митрополита, находя пример во вмешательстве в церковные дела Василия II. Право хиротонии полагалось патриарху. Оно было нарушено синодом епископов Русьской митрополии. Зная поведение и характер Михаила Кирулария, он был бы последним, готовым отступить от этого права, вопреки обязующим канонам и практике³¹. Этих двух правонарушений было достаточно, чтобы поставление, хиротония и настолование Илариона в Киеве, совокупно со всеми принятыми решениями, были признаны в Константинополе недействительными.

30 В лето 6559... постави Ярослав Лариона митрополитом, русина, в святей Софьи, собрав епископы (ПСРЛ 1: 155), и его собственную запись под исповеданием веры: *Аз мних и презвитер Иларион изволением [...Бога...] от благочестивых епископ священ бых и настолован в велицем и богохранимем граде Киеве, яко быти бы ми в нем митрополиту, пастуху и учителю. Быша же си в лето 6559, владычествующе благоверному кагану Ярославу сыну Владимиру. Аминь* (Памятники древнерусского канонического права, ч. 2, вып. 1, Пг. 1920, № 3: 103).

31 См.: Н. Суворов, *Византийский папа*, М. 1902: 79–158; в русском пересказе см.: В.П. Безобразов, *Неизданная обвинительная речь против патриарха Михаила Керулария* // Журнал министерства народного просвещения 265, 1889, сентябрь: 32–84; Кируларий умел приобретать расположение жителей столицы, см.: Н. Скаланивич, *Византийское государство и церковь в XI в.*, СПб. 1884: 388–390.

Но почему дошло до такой узурпации — тут мы остаёмся в мире домыслов, полу- и почти затёртых следов. В историографии были предложены два решения. Первое из них, изложенное в начальные годы XX в. и в разных вариантах живущее и теперь, исходит из противоположных политических (поход 1043 г.) и церковных интересов Руси и Византии: Ярослав осуществлял мечту Владимира, создавая независимую русьскую церковь, и Иларион был исполнителем государственных планов Мудрого³². Вторая гипотеза расценивает оба факта как следствие внутреннего церковного спора в самой Византии между властным патриархом и недовольным его поведением как верховного святителя монашеством, которое высказывалось за возврат к древнему обычаю избрания и поставления митрополита собором епископов митрополии³³.

Михаил Кируларий, потерпев неудачу в занятии императорского трона (1040 г.), решил сесть на патриарший стол (1043 г.). Став патриархом, властолюбивый до крайности, он не раз нарушал церковные каноны. Вопиющим было отмеченное Скилицей распоряжение вычеркнуть из церковных синодиков св. Феодора Студита (759–826 гг.), столпа и светоча византийского монашества. Только под решительным натиском императора патриарх отменил своё повеление. Он стремился прекратить празднование памяти Святого (канонизирован в 842 г.), ликвидировать автономию Студийского монастыря и его филиалов.

Основоположникам Печерского монастыря, а к ним следует причислить и Илариона, было присуще глубокое почитание аскета и учителя аскетизма Феодора Студита, их же связи со студитами несомненны. Поэтому возникает вопрос, как реагировало русьское монашество на козни Кирулария против студитов и поддерживавших их монастырей, например на Афоне?

Скупые данные позволяют дать однозначный ответ: не в самолюбии и амбициях Ярослава и Илариона установить якобы независимую церковь, а в стойкости принципов веры и её исповедания в церковной практике следует видеть отзыв на выступления студитов и афонитов.

Из студитов был патриарх Алексей (1025–1043 гг.). В Студийском монастыре, игуменом которого он был раньше, проживали русьские иноки, самый видный из которых — печерский монах Ефрем, будущий титулярный митрополит переяславский. Из этого же монастыря поступил по заказу игумена Феодосия в Печерский монастырь студийский монастырский устав. Киевский митрополит Феопемпт был поставлен Алексеем Студитом, на что указывают три его печати с изображением святого Иоанна Предтечи, во имя которого был посвящён монастырский собор Студийского монастыря³⁴.

32 М.Д. Присёлков, *Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси XI–XII вв.*, СПб. 1913: 77–115. Независимо от самой гипотезы, многие выдвинутые в её поддержку аргументы потеряли актуальность в результате последующих исследований.

33 См. выше прим. 3. О благодати Божьей и Богом данных патриарху правах, т. е. его харизме, см.: Б.А. Успенский, *Царь и Патриарх*, М. 1998: 30–107.

34 Патриарх Алексей ставил епископами монахов из студитов, и само изображение св. Иоанна Предтечи позволяет полагать, что Феопемпт был студитом. Направленный на Русь в 1030-х гг., он мог пребывать в Киеве до кончины, т. е., вероятно, до исхода 1040-х гг., когда, и только тогда, мог стать вопрос о поставлении его преемника. Раз он был студитом, нельзя исключить

Русские студиты не только решили поддержать оппозиционное византийское монашество, но и склонили Ярослава, который до того назначал лишь епархиальных епископов митрополии Руси, поставить и самого митрополита. Не удивительно, что Иларион и последовавшие ему епископы стремились свести права главы византийской церкви до утверждения избранного местным синодом, но не переставали признавать его как патриарха.

То, что конфликт между Киевом и Константинополем был быстро улажен, вероятно, ещё при жизни Ярослава, следует приписать дипломатии Константина Мономаха (†1055), его миролюбию и желанию предотвратить обострение ситуации. На это указывает сохранившаяся печать новоназначенного на Русь (1053?) митрополита Ефрема. Эта печать подтверждает, что его ставил Михаил Кируларий (изображение архангела Михаила на печати), а запись на её обороте свидетельствует о высоком придворном чине Ефрема как протопродра, члена императорского сената. Это говорит о том, что кандидатура Ефрема была компромиссной, согласованной императором и патриархом³⁵. Так как Иларион бесследно исчез из русской церковной жизни, то вольно предположить, что он был приглашён в Константинополь, где не смог оправдаться, и остался в одном из столичных монастырей. Прибывший новый митрополит Ефрем был принят, так как без согласия киевского государя его наставление в кафедральном Софийском соборе не могло бы состояться, а следовательно, он не мог бы приступить к своим пастырским обязанностям³⁶.

его мнения, повлиявшего на решения Ярослава и Илариона. Поход 1043 г. заслуживает более глубокого исследования внутривизантийской ситуации, которая склонила Ярослава вмешиваться во внутренние дела империи, следуя Владимиру Великому, но без успеха.

35 Публикация печатей Феопемпта и Ефрема см.: В.Л. Янин, *Актовые печати древней Руси X–XV вв.*, т. 1, 1970: 44–47, 174, № 41, № 42; т. 3 (с П.Г. Гайдуковым), М. 1998: 27, 118, 261, 314. Подскальски, *Христианство*: 449, 451. Все три печати Феопемпта с погрудным изображением Иоанна Предтечи однотипны, но с заменой штемпелей в буллотории (т. е. оттиснуты той же парой матриц).

36 Загадочной является запись в месяцеслове Мстиславова Евангелия об освящении митрополитом Ефремом Софии Киевской (Лосева, *Месяцесловы*: 16, 98–100). Предполагали, что причиной было завершение росписи Софии в 1060-е годы, но нет следов, позволяющих обнаружить и доказать хронологическое расслоение фресковой росписи. Гипотеза о том, что новое освящение было вызвано незаконным наставлением и службами Илариона в кафедральном соборе (Porre, *Państwo*: 149–150) требует продолжения изысканий. Если принять, что освящение Софии заново было одной из срочных задач после прибытия Ефрема в Киев, тогда сделанный им выбор дня памяти освящения храма вмч. Георгия Победоносца в Лидде мог стать желанным, чтобы почтить критора Софии и киевского государя Ярослава-Георгия (Лосева, *Месяцесловы*: 100). Тогда выходит, что Ефрем прибыл в Киев к осени 1053 г. (в феврале 1054 г. Ярослав скончался). Запись в одной из пяти рукописей XV–XVI вв. с поучением на седмицу о приходе Григория Философа с митрополитом Георгием в Киев в 6570 г. для установления времени освящения Софии непригодна и к тому же недостоверна, на что указывал S. Franklin (*Annotationes Byzantino-Rossica // Gennadios, в честь Г.Г. Литаврина*, М. 1999: 226–229). Это плод домысла книжника XIV–XV вв., основанный на известных и нам летописи и Житии Феодосия. Наша учёная братия на выдумки хитра, но отказывает в этом средневековым книжникам, считая их домыслы и догадки следами первоисточников.

Предлагаемое тут решение в основных чертах согласуется с общепринятым мнением, что Иларионова попытка прославить Владимира святым была неудачна, и не имела последовательного продолжения. Однако, вчитываясь в Иларионову *Похвалу* Владимиру, находим основание заключить, что канонизация Владимира была доведена до полного завершения, но затем сведена на нет вследствие удаления с митрополичьей кафедры инициатора прославления. Не всё было забыто: сохранился единственный полный текст Иларионова *Слова*, сохранилась его сокращённая редакция, приготовленная, по-видимому, для чтения на память святому Владимиру в годовщину его успения. Не была ли она предназначена в первую очередь для службы в храме, где покоился прах св. Владимира? Это был княжий храм с собственным княжьем клиром, не находящимся под прямым надзором митрополита. Здесь могла по-прежнему теплиться лампада у раки святого, а в годовщину 15 июля можно было служить молебен. Эта лампада не угасала до 6 декабря 1240 г., напоминая о почти забытом святом. И когда она погасла под рухнувшей Десятинной, в недолгое время в условиях тягостного испытания насельников гибнущей страны, память о крестителе Руси, хранителе её духовной мощи, засветилась огоньками свечей и лампад в её северных храмах.

Тем, кто читал два с лишним столетия спустя после середины XI в. *Похвалу* Владимиру, даже в её усечённом виде, было куда легче понять слова Илариона и возродить почитание равноапостольного князя и признание его святости с незапамятных времён.

Канонизация князя Владимира из-за сопутствующих обстоятельств оказалась непризнанной. Однако выдвинутое Иларионом обоснование прославления *апостола во владыцех* как апостола *земли русьской* не было оспорено. Присваемое в последующие столетия, оно свидетельствует о недюженном богословском образовании Илариона, возможном в среде студийского монашества, и тонком понимании категории святости, присущей владычествовавшим, распространявшим веру Христову на подвластных им землях. Из великих ни Константин, ни Карл, ни Владимир своим поведением, поступками и нравами не отличались от своих власть имущих современников. И Иларион не оправдывает своего подвижника, не доискивается в нём доблестей и добродетелей святых угодников: мучеников и исповедников. Иларион отмечает его благотворительность, но главным благодеянием, его личной заслугой перед Богом, считает насаждение христианства, расширение христианской вселенной³⁷.

37 Это было отмечено и Н.И. Милютенко в её посвящённой князю Владимиру монографии с обильным обозрением историографии и разнообразных данных об источниках с XII по XV вв. В приложениях посвящённые св. Владимиру тексты. См.: Н.И. Милютенко, Святой и равноапостольный князь Владимир и крещение Руси. СПб. 2008, 573 с.; в заключении о времени причисления Владимира к лику святых (с. 399–410) Н.И. Милютенко отмечает, что уже Иларион признавал Владимира богоизбранным и святым, но что во второй половине XI и первой XII вв. культ князя затухает, затем на протяжении XIII–XIV вв. оживает, но не распространяется на все восточнославянские земли.

Эта заслуга оправдывает недостатки, грехи и пороки властелина. И ожидать тут дар чудотворения лишнее. И святости присущи чины и разнообразность. Владимир приравнен в определённом деянии, но не равен апостолам-ученикам Христа. Равноапостольный князь выступает подобником образцу изоапостольства — императору Константину Великому.